

Михкель Веске в Казани

К 165-ЛЕТИЮ СО ДНУ РОЖДЕНИУ М. П. ВЕСКЕ (1843—1890)

Я. Прозес,
зам. директора общественного движения «Финно-Угрия»
(г. Таллин, Эстония)



Èàçáíñééé óíèääðñèòäð.
Ëèòíäðäòèý XIX ä.

© Я. Прозес, 2008

В Эстонии М. Веске известен как выдающийся языковед, поэт и деятель эпохи национального пробуждения. Популярны его песни в стиле народных «Поднимемся в горы» и «Когда я покинул дом родной». Наряду с исследованием эстонского языка внимание ученого привлекали и иные сферы, например, восточные языки и, конечно же, финно-



По документам, Михкель Веске родился 17(29) января 1843 г., сам он считал днем своего рождения 16 января, и эта дата ошибочно вошла в официальные источники. Он был первым высокообразованным лингвистом эстонской национальности, который в 1872 г. в Лейпциге был удостоен докторской степени за свою работу по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков. Лейпциг уже тогда признавался одним из ведущих центров языкознания. С 1874 по 1885 г. М. Веске преподавал эстонский язык в Тартуском университете, а 1885—1886 г. провел в Венгрии, где, наверное, первым из эстонцев необычайно быстро усвоил венгерский язык. По праву он мог бы стать первым профессором эстонского языка в Тарту, однако в период русификации на дальнейшую судьбу ученого повлияла, по-видимому, его приверженность национальной идее. Так, под влиянием обстоятельств, М. Веске вынужден был продолжить свою научную деятельность в Казанском университете. Найти это место ему помог И. А. Бодуэн де Куртенэ, всемирно известный основоположник Казанской лингвистической школы, тогда работавший в Тарту. М. Веске был преподавателем финно-угорских языков в Казанском университете до своей внезапной смерти в 1890 г.

Официальное назначение Михкеля Веске на место преподавателя финно-угорских языков Казанского университета состоялось 8 февраля 1886 г., а прибыл он в Казань, по данным Пауля Алвре и Ивана Смирнова, лишь к осеннему семестру 1887 г. В феврале 1887 г. М. Веске приехал из Венгрии в Санкт-Петербург, а в апреле был уже в Москве, где быстро выучил русский язык. Позже, правда, выяснилось, что его знаний недостаточно

для того, чтобы обеспечить себе слушателей. В Москве ученый встретился с прибывшим из Казани литератором Юханом Кундером, который поделился с ним своими казанскими впечатлениями. М. Веске туда спешить не стал. И все же 6 августа он покинул Москву и направился в Казань, куда прибыл 10 августа, а 3 сентября читал в университете лекцию на тему «Значение и достижения финнологии».

Считалось, что М. Веске был профессором Казанского университета, но документального подтверждения это положение не находит. Поскольку он не владел русским языком в достаточной мере, у него был только один ученик — Н. Титов. Однако, как отмечает И. Смирнов, казанский период М. Веске в истории российской науки не прошел бесследно: ученый опубликовал несколько книг и статей. Кроме того, он осуществил две экспедиции к финно-угорским народам и собрал около 200 «черемисских и мордовских песен». Работы М. Веске, несмотря на свою незавершенность, получили признание: 16 июня 1889 г. ему был пожалован чин статского советника.

В Казани М. Веске жил в стесненных условиях. Хотя заработная плата у него была немаленькая, но долги были столь велики, что из 200 руб. на руки ему выдавалось лишь 30. Жил он на Никольской площади в доме Юшкова на третьем этаже (квартира 14), в низкой комнате с небольшими окнами. Его кровать ютилась за книжными полками. М. Веске был невысок, всего 164 см, холост. Ел он обычно один раз в день — вечером, а потому страдал от недоедания. Работал по ночам. Его лучшим другом был мариец профессор всеобщей истории Казанского университета Иван Смирнов (1856—1904), который позже во многих своих работах упоминал об



этом. И. Смирнов составил биографию М. Веске, а также библиографию его работ, опубликовал ряд статей о нем и некролог.

Будучи в Казани, М. Веске заинтересовался волжскими языками. С точки зрения марийского языка важнейшее значение имеет предложенное им диалектное членение в работе «Исследования о наречиях черемисского языка» (Казань, 1889), которая содержит много материала, собранного самим М. Веске в 1888 г. На базе собственного и уже опубликованного материала по марийскому языку М. Веске попытался выяснить фонетические закономерности как в горном и луговом наречиях, так и в их говорах. Уже в начале своей работы он опроверг предположение, что граница между горным и луговым диалектами протекает вдоль реки Волги. При этом М. Веске оперировал в основном такими понятиями, как «западномарийский» и «восточномарийский». Западномарийское наречие делится у него на козмодемьянскую (горномарийскую) и яранскую (современную северо-западную) подгруппы. Восточномарийское наречие включает в себя как современный луговомарийский диалект, так и малмыжский и уржумский говоры действительно восточномарийского диалекта.

Рассматривая проблемы фонетики марийского языка и передачи марийских звуков на письме, М. Веске привнес в марийский язык букву *ы*, обозначающую редуцированный звук. Насколько известно, до него никто этого не сделал. Впервые в азбуке эта буква появилась в 1893 г. В эстонский язык он ввел марийское слово *nulgo* (мар. *nulgo*) «пихта».

В своих работах М. Веске проанализировал опубликованное Библейским обществом в 1821 г. в Петербурге «Евангелие от Матфея» на марийском языке, а также горномарийскую грамматику Ф. Й. Вейдемана «*Versuch einer Grammatiker der tscheremissischen Sprache*» (1847). «Много неточностей я обнаружил там, как и в изданной в 1837 году в Казани горномарийской «Черемисской грамматике», — писал М. Веске. Эта его работа заслужила весьма положительную оценку и признание известной исследовательницы горномарийского языка доктора филологических наук Лидии Васиковой.

Самое значительное по объему исследование М. Веске тоже написано в Казани: в 1890 г. увидел свет первый том его труда «Славяно-финские культурные отношения по данному языку», в котором он попытался выявить славянские и финно-угорские взаимные заимствования. Это исследование в финно-угроведении было первым в своем роде. В предисловии к нему М. Веске подчеркнул, что для изучения славянских и финно-угорских культурных связей необходимо знать современное и прошлое расселение племен, их историю, быт, обычаи и этнографию. Способствует этому словарный запас языка. Те поверхностные сопоставления слов, которые тогда проводились, ученого не удовлетворяли. Он убедительно показал, что вся Северная Россия когда-то была заселена финно-угорскими племенами, о чем в первую очередь свидетельствуют многочисленные гидронимы.

М. Веске скончался 4 мая 1890 г. от разрыва сердца, излагая ученикам свою еще не законченную научную работу. Предполагалось даже, что смерть его не была естественной. Вскрытие, однако, показало, что

у него было больное сердце. Похоронили М. Веске на лютеранском кладбище в Казани, но позже по ходатайству председателя Общества эстонских литераторов К. А. Херманна прах перевезли в Тарту. Его предали земле 21 октября 1890 г. на новом университетском кладбище. В последний путь ученого провожали тысячи людей. В 1899 г. на месте погребения был установлен памятник — бюст работы известного скульптора Вейценберга, который, к сожалению, был разрушен после Второй мировой войны. Остался лишь постамент. После смерти М. Веске место преподавателя финно-угорских языков в Казанском университете долго оставалось вакантным, пока его не занял Николай Андерсон, тоже эстонец, отец известного фольклориста Вальтера Андерсона.

Однако вернемся к Михкелю Веске и его экспедициям. Свое первое путешествие в Марийский край он осуществил летом 1888 г. вместе с профессором И. Смирновым и руководителем этнографического музея Казанского университета Петером Траубенбергом. Основной целью было приобретение экспонатов для музея, этнографическая коллекция которого была довольно бедной. Насколько известно, Михкель Веске был первым эстонцем, который написал о марийцах и мордве в эстонской периодической печати: 2 сентября в 9-м номере журнала «Ома таа» («Своя земля») вышла его статья «Исследовательская поездка к черемисам». Согласно экспедиционным материалам на эстонском языке, участники отправились в путь в июне, поначалу вдвоем с И. Смирновым: из Казани по рекам до Козмодемьянска, далее на перекладных в Яранский уезд, потом в Ветлужский, Уржумский и Малмыжский уезды — до реки Вятки проехали 500 верст. Оттуда пароходом по Вятке и Каме, пока не добрались до марийцев, проживавших в Уфим-

ской губернии. Возвращались по Каме до Волги и по ней в Казань. На пароходе проплыли 1500 верст.

Читателям М. Веске сразу сообщает, что «удалось увидеть и услышать много нового». Прежде всего, по дороге из Козмодемьянска в Вятскую губернию он любовался древним, девственным лесом: «...деревья здесь высокие, стройные и пышные». Позже, проехав через марийскую деревню, он увидел лесок, который оказался священной рощей, и захотел пойти туда. Однако кучер заметил, что таких священных мест по пути будет немало, но посещать их без разрешения не стоит. М. Веске не мог отвести глаз от этой рощи: «...как будто древний лесок в Эстонии... первобытная, священная роща... ну прямо такая же». В другой деревне с названием Ломбенур (*нур* — то же, что в эстонском *nurt* «пашня») путешественники сделали остановку, разместились у хозяина, имевшего самовар. Это было четырехугольное помещение, «называлось оно *кудо* или *куды*, по-эстонски *koda* или *kodu*, но здесь просторнее и чище, чем большинство таких помещений или летних кухонь в Эстонии».

Далее следует описание собравшихся людей, которые любезно предлагали одежду и украшения. «Марийские мужчины носят белую рубашку с красивой разноцветной вышивкой на груди, не отсутствует в узоре и красная нитка. У большинства спереди карман, как носили в старину в Вильяндиской земле. Пояс у них плетеный, на ногах лапти, у некоторых сапоги. У женщин длинная домотканая

Оёёоà à ìàðèéñèì ñàéà.
Óìòìàðàóèý Ì. Àññàáúààà.
ìà÷ àèì ÕÕ à. ÌÐËÌ





рубашка до колен с красивой пестрой вышивкой на груди, рукавах, по воротнику и подолу. Вышивки свидетельствуют овысоком мастерстве черемисских женщин, которое передается из поколения в поколение. На груди, нашее и на голове женщины носят разнообразные украшения, частично дорогие, среди которых много серебра. Головной убор у них напоминает широкую шапку, примерно как у молодых из волости Тарвасту. У девушек на голове лента, расшитая бусами, конец ее висит над распущенными волосами. Надо сказать, что все это красиво, но в то же время некоторые украшения картину портят. Все женщины обматывают голени черным шерстяным материалом, что делает ноги толстыми. На ногах у них лапти из липового лыка, тесемки завязываются до колена». Ученый недоумевает: как это женщины с украшениями на шее стоимостью до десяти рублей могут носить на ногах плохонькие лапти? Лицом же марийки, по его мнению, похожи на эстонку и финку, но волосы у них большей частью черные. «Мне показалось, что эстонские девушки и молодки красивее черемисок. О мужчинах судить не могу, лицом и телосложением они, как и эстонцы, но среди наших мужчин больше крепких и грузных, чем среди черемисов». Далее М. Веске пишет о пристрастии марийцев к куреву. Гостей угощали обильно. Суп разливали из посуды, называемой по-марийски *падъ*, по-эстонски же это *pada*.

Обращаясь к трудовым отношениям, М. Веске отмечает, что батраков у марийских крестьян нет. Все мужчины — хозяева и землевладельцы, земля между деревнями поделена на полоски. В основном на хозяина приходится по 8—12 десятин. Поля плодородны, зерновые совсем как в Лифляндии. По людям видно, что они хорошо питаются. «Черемисы живут в хорошо построенных, чистых, без дыма комнатах». Поместий нет.

Описывает ученый и священную рощу. Марийцы крещенные, но и рощу почитают. М. Веске показалось, что они не видят разницы между посещением церкви и священной рощи, разговор сводится лишь к тому, что с крестом, а что без креста. В рощу ходят с жертвоприношениями — хлебом, зерном и пивом. И. Смирнов и М. Веске с трудом пробирались по нетронутому лесу, в котором упавшие деревья не убираются и кустарник не вырубается, пока не добрались до поляны, там были скамейка и недалеко от нее кострище. Присев на скамейку, М. Веске любовался первобытной мощью природы и остался бы надолго в роще, если бы И. Смирнов не отозвал его (очевидно, у того было иное отношение к священной роще). Между прочим, эстонца удивило, что «православие России, располагая достаточными силами, чтобы за один день уничтожить все черемисские святилища... не применяет эту силу, как это делалось в свое время по всей Европе; православие дает народу возможность самому прийти к христианству, стремится лишь добром через своих миссионеров пробудить язычников и обратить их в христианство. В Австрии и других придунайских странах лютеранство менее свободно, чем языческие верования в землях Поволжья!»

В отчете об экспедиции М. Веске отмечает важнейшие результаты ее работы:

1. Внесены существенные поправки в «Список населенных мест Нижегородской губернии» относительно численности черемисов и мест их проживания в этой губернии. В Макарьевском уезде обнаружено 8 деревень вместо 5, а в Васильевском уезде — 15 вместо двух.
2. Определены три типа марийского национального костюма и нанесены на карту границы их распространения.

Æðáóú — ðañïðyàèòàèè ÿçú÷ãñèèò ïèãíèé.
làðèéóú (= ððàièñù). Èííáo XIX á. Ôííáu ÐŸì



3. Изучались диалектные отношения горных и луговых черемисов.
4. Получены некоторые предметы старины, имеющие большое значение в аспекте колонизации черемисов.
5. В селе Коксамари (Чебоксарский уезд, Казанская губерния) изучались принципы организации рыболовческой артели.
6. На основе материалов по решениям пертнурского волостного суда (Козмодемьянский уезд) составлено представление о состоянии правовой грамотности горных черемисов.
7. Собрано много новых данных о свадебных, погребальных и поминальных обрядах; изучалось географическое распространение уже известных из литературы элементов обрядности.
8. Дополнены данные литературы о жертвоприношениях добрым духам и божествам, а также о численности последних.
9. Записывались пословицы, народная поэзия и сказки.
10. Собирались тавро и другие отличительные знаки собственности, которые представляют собой зачатки пиктографии.

Весной 1889 г. И. Смирнов обратился с ходатайством о предоставлении средств на новую экспедицию, поскольку первая удалась и была плодотворной, о чем свидетельствуют исследование М. Веске и работа самого И. Смирнова «Черемисы. Историко-этнографический очерк». Ходатайство было удовлетворено, и 1 мая М. Веске отправился в экспедицию. 15 мая к нему присоединились И. Смирнов и П. Траубенберг. Марийцев они посетили в деревнях Цалым-Сол, Сала-болк и Петнур. В этой экспедиции М. Веске записал более 100 народных песен и собрал много лексикографического материала, уделив особое внимание терминам, которыми марийцы обозначали отдельные явления окружающей их природы. Вторая экспедиция в большей мере была

посвящена мордве. Эстонского ученого сопровождал при этом преподаватель Учительского семинара для инородцев М. Кобаев (1864—1931), мордвин по национальности (его настоящее имя Макар Евсевьевич Евсевьев). Сначала они побывали у терюхан (обрусевшей мордвы), где М. Веске удалось все же записать несколько мордовских слов и заметить, что терюхане и русские одеваются по-разному.

Далее участники экспедиции двигались через заселенные эрзянами земли Арзамасского и Сергачовского уездов в сторону Симбирска. По дороге М. Веске записывал лексику и свои замечания по поводу произношения некоторых звуков, с помощью М. Кобаева собирал эрзянские песни. Между прочим, ученый установил, что в эрзя-мордовский диалект (каковым он считал эрзянский язык) входит несколько говоров. (Более подробно эта экспедиция описана В. И. Беззубовым в опубликованной в 1960 г. в Саранске статье «Научно-педагогическая деятельность Макара Евсевьевича Евсевьева»).